

групп. Религия играла второстепенную роль в формировании современного национального сознания, особенно в случае албанцев [2, с. 349].

Косовские албанцы согласны с тем, что для них конфликт не имеет религиозной составляющей, по крайней мере, в негативном смысле. Некоторые косовские албанцы также признают сербское мнение о том, что православие является важным компонентом сербской идентичности [3, с. 54]. Кроме того, отмечается, что сербская и албанская религиозные общины были наиболее готовы к налаживанию диалога.

Также важным фактором Косовского конфликта является поддержка России, исторического союзника Сербии. Россия последовательно поддерживает Сербию в вопросе Косово и выступает против независимости косовских албанцев. «Балканы являются единственным регионом, где внешняя политика России опирается на этнорелигиозный фактор, а Сербия, по традиции, рассматривается в качестве центральной страны западных Балкан» [4, с. 14]. Важно отметить сходство взглядов двух стран на мировые проблемы и на то, как улучшить нынешнюю ситуацию, а также их приверженность порядку, основанному на международном праве, направленному на укрепление демократии, продвижение принципов верховенства закона и социально значимых целей [5, с. 65].

Существует опасение, что независимость Косово может повлечь за собой зоны конфликтов в России. Признание независимости Косово может укрепить надежды на независимость для таких непризнанных республик, как Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье, создав, таким образом, прецедент. Кроме того, другие члены СБ ООН, такие как Греция и Кипр, также заявили о своей несогласии с односторонним провозглашением суверенитета Косово. Аналогия опасений очевидна, поскольку Косово может создать прецедент для других сепаратистских регионов, к примеру, таких, как Северный Кипр.

Подводя итог сказанному, отметим, что религиозный фактор в современном мире коррелирует с внутренними противоречиями, порожденными неравенством в сфере обеспечения политических, экономических и культурных прав представителей различных социальных групп и этнорелигиозных меньшинств. Права могут быть и равные, но возможности их обеспечения далеко не равные. Это и является причиной недовольства, перерастающего в отчаяние, ненависть, а затем и насилие по отношению к тем, кто имеет такие возможности и в полной мере пользуется ими, и к государству,

которое мирится с такой ситуацией. И косовский конфликт не является в этом смысле исключением.

Список литературы

1. Zirojević O. Kosovo u istorijskom pamćenju (mit, legende, činjenice) // Republika. 1995. Vol. 6. No. 3. P. 9-24.
2. Туранский А.М. Этнический фактор в контексте эскалации Косовского конфликта // E-Scio. 2020. № 10 (49). С. 346-352.
3. Posen B.R. The War for Kosovo: Serbia's Political-Military Strategy // International Security. 2000. Vol. 24. No. 4. P. 39–84.
4. Бокерия С. А., Пеич И. Россия и Сербия: пути взаимодействия // РСМ. 2018. № 3. С. 92-102.
5. Подуруева-Милоевич В.Ю., Данакари Р.А. Формирование гражданского общества и политики государства в современной России // Вестник ПАГС. 2022. № 4. С. 63-72.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И ИДЕОЛОГИИ В ДРАМЕ ДУШАНА КОВАЧЕВИЧА «БАЛКАНСКИЙ ШПИОН»

Драгана Р. Райович

Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич,

стажер-исследователь

E-mail: draganarajovic71@gmail.com

Аннотация. В данной статье мы занимаемся анализом соотношения личности и идеологии в драме Душана Ковачевича «Балканский шпион». Илья Чворович, персонаж драмы, бывший сотрудник коминформбюро, тайный сторонник сталинизма, охваченный подозрениями, преследует своего жильца. Эта пьеса Ковачевича является метафорой современного общества. Илья — воплощение идеологического рецидива, который сохраняется, несмотря на изменения в обществе. Все действующие лица драмы являются жертвами персонифицированной силы, о которой не сказано ни одного явного слова, но присутствующей в качестве главного героя. Эта сила — сталинизм, и ее мощь основана на особом роде манипуляции.

Ключевые слова: Драма, идеология, сталинизм, коминформ, свобода, манипуляция, тоталитаризм.

THE RELATIONSHIP OF PERSONALITY AND IDEOLOGY IN DUSAN KOVACEVICH'S DRAMA "THE BALKAN SPY"

Dragana R. Rayovich

*Institute of Serbian Culture Pristina-Leposavic,
trainee researcher*

E-mail: draganarajovic71@gmail.com

Abstract. *In this article we are analyzing the relationship between personality and ideology in Dusan Kovacevich's drama "The Balkan Spy". Or I am Chvorovich, a character in the drama, a former employee of the Kominformburo, a secret supporter of Stalinism, seized with suspicion, pursues his tenant. This play by Kovacevich is a metaphor for modern society. Elijah is the embodiment of an ideological relapse that persists despite changes in society. All the actors in the drama are victims of an impersonated force, about which not a single explicit word is said, but which is present as the main character. This force is Stalinism, and its power is based on a special kind of manipulation.*

Keywords: *Drama, ideology, Stalinism, cominform, freedom, manipulation, totalitarianism.*

Природе понадобился миллион лет, чтобы создать человека из обезьяны, а коммунизму — всего полвека, чтобы вернуть человека в число животных.

Душан Ковачевич.

В истории сербского театра, начиная с драматического произведения из 1734 года, Траэдокомедии Мануила (Михаила) Козачинского (1699–1755) вплоть до Бранислава Нушича (1864–1938), особым уважением пользуются авторы пьес с мифологическими мотивами, а также с мотивами из национальной истории. Сербский театр девятнадцатого века не был открыт для юмористического подхода в описании собственного народа. Даже комедия «Патриоты» важнейшего сербского комедиографа Йована Стерии Поповича (1806–1856) был показан только в 1904 году в Национальном театре, после смерти автора. Причина заключалась в социально неприемлемом образе, в котором был представлен сербский народ. Двадцатый век внес изменения в эту область. Живя во время многочисленных обманов, человек двадцатого века стал готовым посмеяться над всем. В тот период, когда сербский театр

становится более открытым к юмористическому выражению, «как раз вовремя» появился драматург Душан Ковачевич [3, с. 205].

Рассматривая комедии Ковачевича в европейском контексте, можно заметить его знание *театра абсурда* в построении предложений и игре слов. Хотя аутентичность драматических произведений Ковачевича бесспорна, в его творчестве мы обнаруживаем ассоциации с Альфредом Жарри, а также самоиронию, подобную той, что присутствует в творчестве Славомира Мрожека. Несмотря на то, что Ковачевич является современным драматургом, как и Бранислав Нушич, он использует все элементы драматического произведения, которым учил нас Аристотель, создатель теории драмы.

Среди множества тем, которыми занимался Душан Ковачевич, его особенно интересовали взаимоотношения между индивидом и государством, индивидуальным и тоталитарным сознанием. Идеология *сталинизма*, как особое явление, также является предметом интереса нашего писателя. В «Балканском шпионе», реалистической комедии о характерах и природе людей, писатель показывает процесс душевного кризиса, в который впадает Илия Чворович, бывший сотрудник коминформбуро, тайный сторонник сталинизма, который начинает следить за своим жильцом, портным из Парижа, Петаром Марковым Яковлевичем, которого он в силу ряда странных обстоятельств начинает считать иностранным агентом. Помимо страха, который является основным двигателем безумных действий Чворовича, его также мотивирует необходимость выйти за рамки привычного образа жизни, чтобы почувствовать себя важным в своей новой социальной роли. Чворович в моменты сужения сознания становится жертвой мании преследования, воспринимая окружающий мир как опасность, угрожающую ему и его семье, а также обществу, главным героем которого является именно он. Сомнение, как роковой спутник Илии Чворовича, «все противоположно тому, чем кажется» [1, с. 59], пробуждает в нем скрытого шпиона, оставшегося в ловушке своего кокона сталинского прошлого. Анализ психологического портрета Илии Чворовича приводит нас к выводу, что в данном случае речь идет о симптомах шизофрении, художественно оформленных. Герой Ковачевича страдает психическим расстройством, возникшим в результате состояния, которое можно интерпретировать по-разному, в зависимости от выбора психологического защитного механизма в условиях репрессий тоталитарным режимом. Один из этих механизмов определяется Джорджем Оруэллом как *двомыслие*, то

есть как способность иметь и принимать два противоположных мнения.

Знать и не знать, осознавать полную правдивость, говоря тщательно сконструированную ложь, одновременно придерживаться двух мнений, которые противоречат друг другу, зная, что они противоречат друг другу, и веря в них обоих, использовать логику против логики, отвергать мораль, претендуя на нее, верить, что демократия быланевозможно и что Партия была стражем демократии, забыть все, что было необходимо забыть, затем снова вспомнить об этом в тот момент, когда это было необходимо, а затем быстро забыть об этом снова, и, прежде всего, применить тот же процесс к самому процессу — это былопредельная тонкость: сознательно вызвать бессознательное состояние, а затем, еще раз, стать бессознательным от акта гипноза, который вы только что совершили. Даже для того, чтобы понять слово «двоемыслие», требовалось использовать двоемыслие [6, с. 41].

Толкование иррациональной логики, к которому прибегает герой Ковачевича, можно найти и в произведении Чеслава Милоша «Порабощенный разум». Это явление автор называет термином *кетман*. Что на самом деле *кетман*? Чеслав Милош утверждает, что нашел описание этой бизарной политической ситуации в книге Гобино: «Религии и философии Центральной Азии». Гобино говорит, что люди на мусульманском Востоке считают, что те, кто знает правду, не должны подвергать опасности себя и свое имущество. *Кетман* приказывает тем, кто практикует его, хранить в тайне свои истинные убеждения. *Кетман* на самом деле является сознательным действием, а не бессознательной формой адаптации. Решающим мотивом занятий кетманом является страх самого худшего вида, отчуждающий человека. Такая форма и интенсивность страха возникает в условиях репрессивного, тоталитарного общественного строя, при котором каждый конфликт с правящей политикой ведет к экзистенциальной угрозе. Человек, практикующий *кетман*, дистанцируется от своей роли в обществе. Он принимает только одно из двух взаимоисключающих мнений и в его поведении нет самообмана [5, с. 66].

Третий и наиболее радикальный ответ на социальные репрессии — это попытка не притворяться, а искренне принять приверженность сталинизму. Здесь речь идет о психологическом механизме *превращения объекта ненависти в объект восхищения*. Согласие с правилами игры сталинского режима было не только следствием страха перед нищетой и смертью. «Вне обычного страха,

вне желания укрыть человека от несчастья и физического уничтожения возникает стремление к внутренней гармонии и счастью» [5, с. 16]. Как это ни парадоксально, мнение Чеслава Милоша, учитывая его опыт жизни в условиях тоталитарного режима, не следует подвергать сомнению. Идеологи сталинизма навязывали свою доктрину вместо веры в Бога, рассчитывая на пустоту, оставленную в народе изгнанной религиозностью. Формула простая: Сталин приравнивается к Богу. Очевидный пример обожествление личности Сталина мы находим в романе Милоша «Захват власти», в главе «Сон Петра» герою романа приснился «чудесный» сон. Во сне ему явился образ Сталина. Он воспринимает этот образ в своем сне как незримое присутствие силы и добра:

«Прежде всего, это была мечта о полной защите. Над всем парило невидимое *присутствие*, полное силы и добра. Петр почувствовал такую любовь, что расплакался. Это была любовь к Нему, которая наполняла пространство. Он, Сталин, поставил его на колени и обнял. Потом он поднял маленького Петра, превратился в великана, и они оба, паря, поднялись в воздух. Петр понял, что это был Бог — отец со светящимся треугольником, вечный покой, безграничное счастье» [4, с. 154].

Художественно оформленная психологическая логика согласна со сталинским порядком особенно тем, что Петру снится сон узника сибирского лагеря.

Дело Илии Чворовича еще более сложное. Чворович — двойная жертва как сталинского, так и антисталинского режимов. Сила сталинских манипуляций отражается в приверженности Чворовича сталинизму даже после опыта на Голи-Отоке. Со временем Илия понимает, что его обманули, но причину своих страданий находит в людях, «подставленных со стороны и прошедших подготовку в мировых шпионско-террористических центрах». Сталинизм — незабвенный юношеский идеал Чворовича: «...да, я любила его, как любят Бога, или, скажем, детей, мать... Сталин был для меня всем» [1, с. 85]. Идеологическая слепота Илии Чворовича основана на его убеждении, что он борется за «мировую справедливость». В этом контексте усомниться в авторитете Сталина означало бы расшатать основы идейно-политической конструкции, на которой зиждется его самоуважение.

Брат-близнец Илии, Джура, является более темной версией брата Илии. Прimitивный и ограниченный, Джура беспрекословно верен своему брату, готов арестовать и ударить. Как и Илия, Джура безоговорочно верит, что они оба ведут «благородную» борьбу.

Основную роль героини Даницы писатель свел к роли жены в характерном для Балканов варианте. Даница - тень Илии, верующая в справедливость «борьбы» своего мужа. Посредством ее наивного характера писатель рассказывает нам правду о социальном контексте и проблемах общества, в котором находятся герои. «Фасоль стоит пятнадцать тысяч. Скоро они будут продавать его в зерне. А это была крестьянская страна. Капуста - пять тысяч. В моем краю когда не ухаживаешь за полем, прорастают фасоль и капуста. Ни мяса, ни масла, ни белых лампочек, только красные, для публичных домов. Молока нет. Где коровы? Они вымерли? Или бастуют?» [1, с. 42]. В отличие от его жены, которая является «соучастником» в затее Ильи, дочь Соня отказывается участвовать в «расследовании» своего отца.

В ключевых образах комедии со сцены слышен стереотипный голос диктора радио, говорящего заезженной и известной фразеологией. Содержание радио текстов представляет собой картину актуального момента и в этом контексте имеет ярко выраженный сатирический оттенок.

Интерпретируя соотношение индивидуального и тоталитарного сознания в «Балканском шпионе», мы приходим к выводу, что Душан Ковачевич на самом деле занимался проблемой человеческой свободы. В ситуациях, когда поступки отклоняются от всех логических норм (принятие тоталитарной логики, несмотря на пережитый террор и отнятую свободу) очевидно, это психологический феномен, известный как *бремя личного и свободного принятия решений*. Человек хочет принадлежать к стаду и в группе обожать вожда. Это явление великолепно объяснено в «Великом инквизиторе» (глава романа «Братья Карамазовы») Ф. М. Достоевского. Призыв Христа к свободе, по словам Достоевского, превосходит человеческую природу и сокрушает ее. Илия Чворович — один из многих, кто отверг этот призыв. Свобода всегда была возвышенным даром, свидетельствующим о сходстве человека с Богом. Герой Ковачевича не был готов принять этот подарок.

Список литературы

1. Душан Ковачевич. Балкански шпијун. Завод за уџбенике. Београд, 2013.
2. Fjodor M. Dostojevski. Beograd: RAD, 1988.
3. Petar Marjanović. Jugoslovenski dramski pisci XX veka. Knjiga prva. Novi Sad: Akademija umetnosti u Novom Sadu, 1985.
4. Česlav Miloš. Osvajanje vlasti. Beograd: Narodna knjiga, 1983.
5. Česlav Miloš. Zarobljeni um. Beograd: BIGZ, 1987.

6. Цорџ Орвел. 1984. Београд: Verzal press, 2000.

РЕЗЕРВЫ МЯГКОЙ СИЛЫ РОССИИ И ДЕЛО М. А. БУЛГАКОВА

Ралович И. М.

*Институт сербской культуры Приштина – Лепосавич
ассоциированный сотрудник
E-mail: ralovic@gmail.com*

***Аннотация.** В то время как мировая общественность сосредоточена на определении размеров российской государственной силы в современных отношениях, в этой статье внимание обращается на мягкую силу, которую, по определению создателей термина, мы в основном используем для всех тех ситуаций, когда мы не говорим о военной силе как о ключевом аспекте жесткой силы. С этой целью статья обращается к теоретическим объяснениям о трех столпах мягкой силы, со ссылкой на первый (культура), а в качестве примера взят роман «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова. Цель статьи – показать, что проникновение русской культуры на Запад – это форма мягкой силы, достигнутая пассивно, что эта форма силы была произведена и вошла в сферу глобальной массовой культуры без усилий государства по ее продвижению и установлению.*

***Ключевые слова:** Михаил А. Булгаков, Мастер и Маргарита, мягкая сила, Джозеф Най, русская мягкая сила, высокая культура.*

RUSSIA'S SOFT POWER RESERVES, THE CASE OF M. A. BULGAKOV

Ralović I. M.

*Institute of Serbian Culture Priština – Leposavić
E-mail: ralovic@gmail.com*

***Abstract.** While the world public is focused on determining the dimensions of Russian state power in contemporary relations, this paper draws attention to soft power, which, as defined by the creators of the term, we mainly use for all those situations when there is no mention of military power as a key aspect of hard power. For this purpose, the paper uses the theoretical explanations of Joseph S. Nye, about the three pillars*